

DOI: 10.18524/2307—4558.2021.35.237860

УДК 811.161.1'276.2'282.2: 821.161.1—3 В. Шукшин

СЫЗДЫКБАЕВ Нургали Артыкбаевич,

кандидат филологических наук, доцент, доцент Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай-хана; ул. Муратбаева, 200, г. Алматы, 050022, Казахстан; тел.: +7076242138; e-mail: siznur@mail.ru/ ORCID ID: 0000-0002-8162-4792

ВНЕЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ХАРАКТЕРА ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ В. М. ШУКШИНА)

Аннотация. *Цель* статьи — показать роль диалектизмов и просторечия в малой прозе В. М. Шукшина. С помощью этого пласта лексики автор изображает не только простоту и наивность жителей провинциальных городов и деревень, но и принадлежность персонажей к той или иной местности. *Объект* исследования — внелитературная лексика в произведениях малой прозы В. М. Шукшина. *Предмет* изучения — роль внелитературной лексики среди художественных средств в идиостиле В. М. Шукшина. В работе использованы *методы* аксиологического, семантического анализа и описательный метод. В *результате* проведенного исследования сделаны следующие *выводы*: в произведениях В. М. Шукшина внелитературная лексика применяется для более полной и достоверной речевой характеристики персонажей различных социальных слоёв и групп общества, выявляются их региональные особенности речи. Кроме того, писатель использует такую лексику для достижения комического эффекта своей речи. Вводя в структуру текста внелитературную лексику, автор не только погружает читателя в суть дела, но и делает его участником описываемых событий, откровенно изображает быт, образ жизни, будни и праздники обычных сельских жителей.

Ключевые слова: лексика, литературный язык, общенародный язык, внелитературная лексика, говор, диалектизмы, просторечие, образ, персонаж, характер.

Постановка проблемы. Язык всегда находится в динамике и отражает социальные изменения, которые нередко «расшатывают» литературную норму. Говоря о языке любого писателя, мы говорим, прежде всего, об общем впечатлении от текстов его произведений — простоте или сложности, книжном или разговорном характере изложения. Общие стилиевые оценки определяются даже внешним зрительным восприятием текста. Анализируя язык мастеров слова, А. В. Фёдоров и И. Р. Гальперин единодушны в своих суждениях: «Язык писателя, — по мнению исследователей, — есть своеобразная творческая концентрация выразительных средств общенародного языка, подвергшихся специальной литературной обработке; это есть отражение общенародного языка эпохи, но такое отражение, в котором общие языковые средства отобраны и соединены индивидуально, соотношение их преломлено сквозь призму мировоззрения, мастерства, авторской задачи данного писателя» [цит. по: 12]. Несмотря на близость в воспроизведении правды жизни, писатели индивидуальны и неповторимы, у каждого мастера художественного слова свой почерк в изображении национального колорита и образной системы. Мастерство творца художественного слова определяется не только передачей содержания произведения и раскрытием образной системы, но и умелым использованием всех аспектов лексико-грамматических парадигм языка, на котором создано художественное произведение.

Принципы использования внелитературных средств в современной художественной прозе заслуживают скрупулезного рассмотрения. Несмотря на то, что проза была и остаётся одним из основных объектов исследований многих поколений филологов, вопрос об использовании внелитературной лексики (просторечие, диалектизмы, жаргонизмы, арг) в структуре художественной литературы, остается не до конца выясненным.

Связь с предыдущими исследованиями. Рассматривая и описывая своеобразие языка художественной литературы, В. В. Виноградов отмечал, что «всестороннее изучение и глубокий анализ языка художественного произведения невозможны без знания культуры языка и социально-исторического контекста соответствующей эпохи. Ведь та литературно-языковая норма, в аспекте которой оцениваются элементы стиля словесно-художественного произведения, является составной частью контекста.

Широкий контекст литературного языка и его стилей, а также общенародной разговорной речи является историческим фоном и исторической средой осмысления и оценки способов стилистического построения словесно-художественного произведения» [4, с. 185–186]. Значит, при создании художественного текста и выборе литературного фона необходимо не только владеть лексико-стилистическими тонкостями общенационального языка, но также учитывать социально-исторические ареалы описываемой эпохи. Вместе они обеспечивают достоверность изображаемых сцен и вызывают огромный читательский интерес к произведению.

«Внелитературная лексика, — пишет Т. А. Матвеева, — слова, принадлежащие не литературному языку, а другим разновидностям национального языка: арг, диалектам, жаргонам, просторечию» [9, с. 54–55]. Они в структуре художественного текста выполняют не только функцию подпитки литературного языка, но и «обеспечивают его связь с этнокультурной базой, противодействует тому, чтобы

литературный язык терял свою историко-культурную специфику» [Там же]. Данная мысль была дополнена и продолжена австрийским исследователем прозы В. М. Шукшина К. В. Вертлибом. «Вне-литературная лексика в художественных текстах, — по мысли автора, — используется в качестве особого стилистического средства с целью придания речи персонажа естественного звучания: такие оттенки речи, как пренебрежительность, шутливость, грубость, ирония и т. д. использование просторечий, диалектизм, жаргонов и т. д. обусловлено стремлением к повышению образности текста...» [3, с. 89]. На примере прозы В. М. Шукшина, исследователь доказал достоверность своих суждений.

Исследуя диалектизмы в художественном тексте, И. А. Осовецкий отмечает, что они «в составе художественного произведения лишь в незначительной степени характеризуют индивидуальный стиль писателя» [11, с. 303]. Я. А. Скородумова замечает, что использование в структуре художественного текста диалектизмов передаёт не только особенности характера персонажа, его речевую индивидуальность, принадлежности определённой местности, но и служит как «средство создания сатирической окраски» [13, с. 823].

Ещё один вид внелитературной лексики, которой нам предстоит рассмотреть — просторечие. Этот вид лексики Л. Введенская, Л. Павлова и Е. Кошаева рассматривают как «одну из форм национального русского языка, которая не имеет своих признаков системной организации и характеризуется набором языковых форм, нарушающих нормы литературного языка» [2, с. 79].

Многие диалектизмы и просторечная лексика из произведений В. М. Шукшина были включены в «Словарь русских говоров Прибайкалья» [14] и «Словарь языка Василия Шукшина», созданный Е. С. Елистратовым [6].

Формулирование задач исследования. Приступая к рассмотрению функционирования внелитературной лексики в малой прозе В. М. Шукшина, следует разобраться в многочисленных теоретических толкованиях понятия «внелитературная лексика». Проблема соотношения разных групп внелитературной лексики — один из спорных и не до конца разработанных аспектов филологии. Мы не ставим целью вести теоретические споры в отношении этой категории лексики, а остановимся на дефинициях, которые, как нам кажется, помогут понять роль и значение этого языкового пласта в структуре художественного текста.

Цель данной статьи — показать роль диалектизм и просторечия в малой прозе В. М. Шукшина. С помощью этого пласта лексики автор изображает не только простоту и наивность жителей провинциальных городов и деревень, но и принадлежность персонажей к той или иной местности. Объект исследования — внелитературная лексика в произведениях малой прозы В. М. Шукшина. Предмет изучения — роль внелитературной лексики среди художественных средств в идиостиле В. М. Шукшина. В работе использованы методы аксиологического, семантического анализа и описательный метод.

Изложение основного материала. Мастерство владения словом у В. М. Шукшина напрямую связано с его биографией. Родился будущий писатель в алтайском селе, трудовую деятельность начинал простым слесарем, затем учился в институте и стал школьным учителем, директором школы, служил на флоте. Эти вехи биографии писателя стали школой познания жизни и речевого богатства русского языка. Многие истории из личной жизни легли в основу произведений В. М. Шукшина. Выходец из алтайской глубинки, он стал одним из авторитетнейших писателей «деревенской прозы», расцвет которой приходится в русской литературе на 1950-е — 1980-е годы. Основная тематика «деревенщиков» — устои и нравы жителей деревень и маленьких провинциальных городов. В творчестве писателей этого направления отразились чаяния и тревоги тех, кто живёт вдали от столицы и больших городов России. Традиции деревенской прозы находят художественное воплощение и в литературном процессе XXI века. Эта тема актуальна в творчестве таких современных писателей, как Р. В. Сенчин, М. А. Тарковский, Н. Л. Ключарёва, Д. Г. Новиков, И. И. Луданов, С. Викарий и некоторые другие.

Активизация внелитературных средств в художественных текстах писателей середины XX века объясняется появлением в их среде значительного контингента выходцев из той или иной диалектной среды. В результате изменилось само отношение к внелитературным языковым элементам. Если в произведениях традиционного типа они служили только для изображения персонажа, то в сочинениях представителей так называемой деревенской прозы их использовали как элементы, имеющие определенную стилистическую окраску, т. е. не только обозначающих предмет, действие и т. п., но и заключающих в себе дополнительную информацию о говорящем. В художественной речи В. М. Шукшина, как и в речи многих других русских писателей середины XX века (Ф. А. Абрамова, С. П. Залыгина, В. Г. Распутина, В. И. Белова, В. П. Астафьева, В. В. Быкова, Б. А. Можаяева, Е. И. Носова и некоторых других), активно в художественных целях используются диалектизмы. Сам В. М. Шукшин был выходцем из среды носителей русского диалектного языка. В его текстах малой прозы диалектизмы, особенно этнографические и лексические, использованы «для передачи местного колорита, точного обозначения реалий, усиления комического эффекта» [8, с. 96]. Диалектизмы в этих произведениях могут «как добавить экспрессии... тексту, так и засорить язык и затмить смысл текста» [7, с. 33]. Не во всех рассказах В. М. Шукшин даёт автокомментарий слов, не знакомых читателю.

Художественное мастерство В. М. Шукшина, кинорежиссера, сценариста, актёра и талантливого писателя второй половины XX века, было отмечено всеми критиками и исследователями творчества писателя. Так, литературовед В. Баевский отличие Шукшина от других представителей деревенской прозы видел в следующем: «Авторы деревенской прозы нередко изображают город как нечто откровенно враждебное деревне: у Шукшина город — это, скорее, нечто отличное от деревни. Не враждебное, а просто другое» [1, с. 334]. В произведениях писателя нет и намёка на противостояние города деревне, его интересовала лишь жизнь и быт жителей этих ареалов, деревня для него своё, родное. О языке рассказов В. М. Шукшина исследователь отзывается так: «Язык рассказов Шукшина — одно из сокровищ русской культуры. В нём переливаются бесконечные оттенки юмора, речь персонажей, внешне чудовищно неправильная, в действительности необыкновенна, точна, поэтому что точно передаёт характеры самых разных людей и в целом характер народа» [1, с. 331].

Анализируя художественный мир писателя, исследователи отмечали языковое своеобразие его произведений, особо выделяя роль внелитературной лексики в создании образов «чудиков». В произведениях автора, написанных на тему деревенской жизни, наиболее полно отражена специфика использования внелитературной лексики. В прозе Шукшина сосуществуют различные речевые пласты, начиная от «разговорных кончая книжными». Внелитературная лексика применяется автором для более полной и достоверной речевой характеристики персонажей различных социальных слоёв и групп общества. С помощью этой лексики В. М. Шукшин не только создавал образы своих персонажей, передавал и раскрывал их характеры, но и изображал их социальный статус, род деятельности, возраст и прочие особенности. Один из исследователей языка шукшинской прозы Т. К. Габуев обращение писателя к внелитературной лексике объясняет, во-первых, стремлением автора защитить «живой стиль» речи персонажей, а во-вторых, — полемизировать с канцелярскими, газетными, беллетристическими «штампами» [5, с. 101]. Внелитературные средства в речи персонажей всегда кажутся мотивированными. Они обычно подтверждают ту социальную характеристику персонажа и среды, которая сообщается автором. Такие слова выступают в качестве заглавий нескольких произведений: «Сураз», «Дебил», «Лёнька», «Хмырь», «Игнаха приехал», «Хахаль», «Чудик», «Алёша Бесконвойный» и т. д. Подобный писательский приём сразу вызывает читательский интерес к произведению.

Если у многих писателей диалектизмы в речи персонажей служили, как правило, выявлению принадлежности их той или иной местности, то в произведениях В. М. Шукшина они рассматриваются как дополнительное средство для понимания характера персонажа, а также для изображения социокультурной специфики региона, выходцем из которого является персонаж. Функция же просторечий заключается в изображении его социальной принадлежности.

Литературный энциклопедический словарь предлагает такое определение диалектизмов: «Диалектизмы (от греч. *diálektos* — говор, наречие), слова или устойчивые сочетания в составе литературного языка, свойственные местным говорам» [8, с. 96]. Следовательно, диалектизмы характеризуют территориальную специфику речи персонажа либо автора. Среди диалектизмов там же названы такие их виды: фонетические, словообразовательные, лексические, семантические, этнографические. К особенностям этнографических и лексических диалектизмов относят «речь персонажей, для передачи местного колорита, точного обозначения реалий, усиления комического эффекта» [Там же]. Кроме того, они «могут как добавить экспрессии художественному тексту, так и засорить язык и затмить смысл текста» [21, с. 33]. Чрезмерное увлечение внелитературной лексикой может усложнить восприятие текста читателями, поскольку для понимания незнакомых слов придётся обращаться к специальным словарям, если авторы не дают комментариев непонятных слов.

В речи персонажей В. М. Шукшина широко представлены просторечные единицы. Просторечие имеет грамматические, деривационные, произносительные, словоупотребительные особенности, представляя собой пёструю подсистему коммуникативных средств и способов их использования. «В этой подсистеме русского языка сосуществуют элементы, пришедшие из территориальных говоров, профессиональных и групповых жаргонов, заимствования из литературного языка» [7, с. 78]. В силу отсутствия признаков системной организации в процессе коммуникации малообразованных людей они не до конца различают формы нормированного и ненормированного языка.

Просторечие, при широком его понимании, трактуется как «совокупность средств языка, находящихся за пределами литературной нормы..., преимущественно речь малообразованных слоёв городского населения» и носит «общенародный характер, в отличие от терминов «диалект» и жаргон» [8, с. 309]. Как и другие виды внелитературной лексики, просторечие обладает грамматическими, произносительными и словоупотребительными признаками. Имеется узкое понимание просторечия как «набора сниженных, грубовато-фамильярных средств лексики и фразеологии, которыми одинаково пользуются и носители просторечий, и носители литературного языка в соответствующих выразительных целях» [8, с. 309]. По нашему мнению, наиболее приемлемым для русского языка является понимание просторечия, предложенное Л. П. Крысиным. «В собственно языковом отношении, — пишет Л. П. Крысин, — просторечие характеризуется значительной пестротой коммуникативных средств и способов их использования...» [7, с. 78]. Сеем предположить, что учёный указывает на синкретичный характер внелитературной лексики.

Для нас представляет определённый интерес язык героев рассказов, являющийся средством их характеристики. Речь каждого героя имеет свою индивидуальную специфику.

Так, анализ рассказа «Сураз» показывает умение В. М. Шукшина сочетать в художественном стиле нейтральную и экспрессивную окрашенную литературную лексику, в том числе разговорного стиля, с диалектными и просторечными лексемами. Так, Словаре русских говоров Прибайкалья дано такое толкование слова *сураз*: «Сураз м. сиб. небрачнорождённый [14, т. 4, с. 52]. Когда герой рассказа Спиридон Расторгуев, по прозвищу Спирька, пришёл знакомиться с приезжими в деревню учителями, он представляется так:

— *Я — сураз, — начал он.*

— *Как это? — не поняла Ирина Ивановна.* Далее он объясняет:

— *Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах один ухарь. Кожу по краю собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил.*

— *Вы не знаете его?*

— *Ни разу не видал. Как мать забрюхатела, он к ней больше глаз не казал.*

Черты языковой личности Спирьки отражает в этом отрывке естественное использование диалектизма *сураз* (распространено только в некоторых говорах Сибири, значит, говорящий — сибиряк), просторечного глагола *забрюхатеть* и фразеологизма *принести в подоле*, а также разговорных *ухарь* и *глаз не казать*. В другом эпизоде Спиридон подарил Ирине Ивановне букет *жарков*, цветов, которых она никогда раньше не видала, поскольку приехала из других мест. Разумеется, название цветка диалектное. В своей речи он часто использует просторечное *до фени*.

В рассказах встречаем такую диалектную и просторечную лексику: *чалдон* в значениях «коренной житель Сибири», «неграмотный человек»; *заполошный* — «беспокойный, суетливый, вносящий переполох»; *дыбошки* — «возмутиться, резко проявить несогласие, протест», *вечерять* — «ужинать», *сшибать* — «быть похожим на кого-то»; *уработать* — «избить, наказать, расправиться, разделаться с кем-либо»; *накалачивать* — «колотиться сильно, стучать (о сердце)»; *поскрести* — «произвести впечатление, задеть за живое»; *тёрка* — «некрасивая женщина», «рябая»; *маруха* — «любовница»; *налить шары* — «напиться пьяным»; *сэстоль* — «столько» и многие другие.

Речь малообразованных персонажей старшего поколения в рассказах В. М. Шукшина обычно характеризует наличие просторечных и диалектных слов, отличающихся от литературных не только лексически, но и фонетически. Автор передаёт такие речевые особенности орфографически, гиперкорректно транслитерируя даже нормативное *что* как *што*. Приведём примеры из рассказа «Космос, нервная система и шмат сала»: — *Молодой ишо рассуждать про это; — А чо; — Што я, не человек, што ли?; — Сколько ишо; — Што, они много шибко получают, што ль? — Знамо дело, — соглашается старик; Откуда она, мать, денег-то возьмёт сэстоль? — Чозт вас так шибко в город-то тянет?; ничо; — А еслив поехал, так знаю: худо-бедно — доеду. А ты навернёся с этого свово ираплана — костей не соберут; — Ты ба, наверно, комиссаром у них был; — А бабка, бывало, пошепчет — и как рукой сымет. А вить она институтов никаких не кончала.*

В языке своих рассказов В. М. Шукшин использует всё богатство своего словарного запаса, мастерски сочетая литературную речь с просторечной и диалектной, включая нелитературные формы в художественные тропы. Так, диалектные и просторечные формы лексических единиц проникают в речь персонажей во фразеологизмы (*как рукой сымет* («Космос, нервная система и шмат сала»)); разговорная речь прекрасно сочетается с просторечием разных социальных слоёв, как, например, в полилоге плотников и буфетчицы из рассказа «Танцующий Шива»:

Бригадир плотников: — *Я им справочник покажу, — с явной угрозой говорил бригадир, сухой мужик, весь чёрный от солнца. — Я их носом ткну, где написано чёрным по белому: какие работы плотницкие, а какие столярные. Они же ни бум-бум в этом...*

— *До чего ушлый народ пошёл! Эдак они нас заставят и рамы вязать!*

Буфетчица: — *Мужики, перестаньте лаяться! — крикнула буфетчица. — А то выставлю счас всех!.. Распустили языки-то.*

Наиболее многолико и достоверно проявляется социальная характеристика подобных компонентов в речи Аркашки из рассказа «Танцующий Шива». Хотя автор и не даёт в тексте каких-либо сведений о его жизни, но по его речи определяем, что он один из малообразованных представителей провинциального российского городка:

— *Хмыри!*

— *Трепачи* (разг., неодобр. — человек, который много говорит, обещает и не выполняет своих обещаний; просторечн. — говорящий чухуху, глупости), — *ещё сказал Аркашка. Он потому и Шива, что везде суёт свой нос. — Проходимцы; Аркашка, прихватив свою недопитую бутылку, пересел к плотникам и только было хотел набулькать себе полстаканка и уже оттопырил мизинчик, как Ванька протянул через стол свою мощную грабастую лану и поймал Аркашку за грудки.*

— *А-а, Шива!.. На понт берёшь, да? Счас ты у меня станцуешь. Танцуй!*

— *Распустил грабли-то... Попроси по-человечески — станцюю, обязательно надо руки свои поганые тарачить!..*

Што ты, шты ты — шуток не понимаешь. Уймись!

— *Ша!*— сказал вдруг нездешний бригадир. — *Ша, пацаны... я валю этого бычка. Бригадира услышали;*

Счас, как дам по башке! Гад такой!;

— *Ничего, Иван... ему счас дадут. Больно?*

Ванька потрогал пальцем челюсть, покачал её, сплюнул клейкую сукровицу. Сел.

— *Бубы...*

— *А?*

— *Бубы...*

— *Зубы разбил? От гад-то! Счас ему там дадут. Мужики пошли с им...* («Танцующий Шива»).

Можно предположить, что В. М. Шукшин, слова использованные жителями деревень, противопоставляет речи интеллигенции по социально-психологическим параметрам, тем самым добиваясь создания характера исключительно социально маркированных типов персонажей. Наиболее ярко это можно увидеть на примере отрывка из рассказа «Волки». Например, речь Наума Кречетова: *Поедем съездим за дровишками. Я у бригадира выпросил две подводы. Конечно, не за «здорово живёшь», но чёрт с ним — дров надо.* Образец речи зятя Ивана Дегтярёва: — *Вот ведь почему молодёжь в город уходит? — заговорил он. — Да потому, что там отработал норму — иди гуляй. Отдохнуть человеку дают. Здесь — как проклятый: ни, ни ночи. Ни воскресенья...*

— *Я слышал: в городе тоже работать надо, — заметил тесть.*

— *Надо. Я бы с удовольствием лучше водопровод пошёл рыть, траншеи: выложил раз, зато потом без горя — вода и отпление. <...>*

— *Ну погоди!.. Погоди у меня, змей ползучий. Ведь отбили бы — и конь был бы целый.*

Шкура... Наум почуял в голосе зятя недоброе. На всякий случай шагнул к саням. — Ну, что они там? — Поклон тебе передают. Шкура!.. А ты шкура. — Чего ты? Лаешься-то?.. — Я тебя бить буду, а не лаяться («Волки»). Данную речь можно отнести как к разновидности народного просторечия, так и социально-психологическому просторечию.

Не всегда представляется понятной и убедительной правомерность ввода писателями внелитературных элементов в авторский художественный текст. Требуются маркеры мотивировки этого. Использование В. М. Шукшиным в художественных текстах внелитературной лексики объясняется не только раскрытием характера персонажа, но и изображением представителей той или иной общественной среды свойственными им языковыми средствами. Так, в приведённых ниже отрывках наблюдаем при рассказе о выходцах из крестьянской диалектной среды переход к средствам выражения этой с амой среды: *Пропустили рюмочки по три, заговорили о том, что всё-таки их хотят надуть с этим прилавком. Дело в том, что когда они рядились в цене, то упустили из виду прилавок : надо его делать плотникам или это уже столярная работа? Упустили-то сельповские, заказчики, а плотники тогда промолчали (бригадир у них в этом деле дока). Теперь выяснилось, что сельповские хотят, чтобы плотники сделали и прилавок тоже, они, оказывается, имели это в виду, что это само собой разумеется и так далее, и тому подобное. Но в договоре этот пункт не помечен, и плотники встали «на дыбошки»: прилавок — не наше дело! То есть они могут, конечно, его сделать, но за это — отдельная плата* («Танцующий Шива»). При этом, если описываются взаимоотношения персонажей, возникает иллюзия чужого, не авторского взгляда. Возникает впечатление, что автор передаёт восприятие наблюдающего за девушкой парня: *Гуляли Яковлевы всегда шумно, с драками: то братаны сцепятся, то зять с тестем* («Вечно недовольный Яковлев»). Яковлевы словно бы описываются с точки зрения односельчан.

Рассказывая о представителях городских «низов», В. М. Шукшин для достоверности обращается к языковым средствам этой среды: *Аркашке набухали стакан из своих бутылки; Аркашка оглушил стакан; — Зовите милицию! — заблужила буфетчица* («Танцующий Шива»).

Выводы. Таким образом, включённые В. М. Шукшиным в речь персонажей диалектные и просторечные единицы способствуют раскрытию внутреннего мира персонажей рассказов, демонстрируют их личностно-языковые особенности, отношение к другим персонажам или событиям и явлениям. Используя в речи персонажей внелитературную лексику, автор показывает простоту, искренность, открытость, а порой и незащищённость, наивность персонажей-селян, их причастность к жизни людей в определённом ареале распространения русского языка, придавая содержанию особый национальный колорит. Обычно автор с помощью этих единиц показывает также региональный и социальный колорит речи. С помощью внелитературных элементов в сюжетной линии достигается некий комический эффект. В малой прозе В. М. Шукшина использована внелитературная лексика и фразеология, которая, как правило, характерна для речи жителей Алтайского края, уроженцем и знатоком которого он был сам.

Для героев Шукшина жизнь — чудо, время добра и миг зла, в них нет корысти, расчёта. Герои эти необыкновенно подвижны в переходах от одного душевного состояния к другому: от нежности к грубости, от покоя к беспокойству... Простота, краткость, правдивость в описании действующих лиц и предметов, смелость и оригинальность в выборе и употреблении языковых средств, тонкий юмор и беспощадная сатира — таковы качества языка рассказов В. М. Шукшина.

Литература

1. Баевский В. С. История русской литературы XX века : Компендиум. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 448 с.
2. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык и культура речи : учеб. пособие. Ростов-н/Д. : Феникс, 2014. 539 с.
3. Вертлиб Е. А. Василий Шукшин и русское духовное Возрождение. Нью-Йорк, 2014. 538 с.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. Москва : Гослитиздат, 1959. 656 с.
5. Габуев Т. К. Василий Шукшин : Штрихи к портрету. Москва : Просвещение, 2013. 127 с.
6. Елистратов В. С. Словарь языка Василия Шукшина : Около 1500 слов, 700 фразеологических единиц. Москва : Азбуковник ; Русские словари, 2001. 432 с.
7. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века. 2000. URL : <http://philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm/>
8. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Москва : Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
9. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-н/Д. : Феникс, 2010. 562 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва : ООО «ИТИ Технологии», 2006. 944 с.
11. Оссовецкий И. А. Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50–60 г. *Вопросы языка советской художественной литературы*. Москва : Наука, 1971. С. 303–386.
12. Паршина В. В. Соотношение книжных и разговорных лексических элементов в структуре художественного текста (на материале произведений Н. С. Лескова 90-х годов XIX в.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Москва, 1984. 266 с. URL : <https://www.disscat.com/content/sootnoshenie-knizhnykh-i-razgovornykh-leksicheskikh-elementov-v-strukture-khudozhestvennogo/>
13. Скородумова Я. А. Функции диалектной лексики в автобиографической прозе В. П. Астафьева. *Молодой учёный*. Казань, 2014. № 16. С. 823–824.
14. Словарь русских говоров Прибайкалья : в 4 т. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1986–1989.
15. Степанов Е. Н. Литературный язык, диалект, городское койне и норма : проблемы соотношения. *Русистика и современность. Языкознание*. Rzeszów : Wyd. Univ. Rzeszowskiego, 2006. Т. 4. С. 154–162.
16. Степанов Е. Н. Просторечные слова *габелок / габелка. Записки з загальної лінгвістики* : зб. наук. праць / за заг. ред. Н. В. Бардіної. Одеса : ОРДУ НАДУ, 2006. Вип. 7. С. 302–307.
17. Степанов Е. Н. Фразеология города как лингвокультурное пространство. *Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету*. Ізмаїл, 2008. Вип. 25. С. 130–135.
18. Степанов Е. Н. Языковое пространство в идиостиле писателя и в речи его персонажей (по произведениям Валерия Смирнова). *Наукові записки. Філологічні науки (мовознавство)*. Кіровоград : КДПУ ім. В. Винниченка, 2015. Вип. 138. С. 281–285.
19. Степанов Е. Н. Регионализмы в речи персонажей как средство выразительности в творческой манере А. И. Куприна. *Одеська лінгвістична школа : інтеграція підходів : колективна монографія* / ред. Т. Ю. Ковалевська; ОНУ ім. І. І. Мечникова. Одеса : ПолиПринт, 2015. С. 169–176.
20. Степанов Е. Н. Современное состояние южнорусских переселенческих говоров Одесской области. *Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье* : сб. докл. участников Международного научного форума. Брянск : Аверс, 2019. С. 42–49.
21. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Москва : Флинта: Наука, 2011. 696 с. URL : <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/10.pdf/> (Дата обращения: 20.12.2020).
22. Шукшин В. М. Собр. соч. : в 6 т. Москва : Молодая гвардия, 1992. Т. 2. 608 с.
23. Шукшин В. М. Рассказы. Петрозаводск : Карелия, 1985. 256 с.

References

1. Baevsky, V. S. (2003), *History of Russian literature of the twentieth century* : Compendium [*Istoriya russkoy literatury 20 veka* : Kompendum], Languages of Slavic Culture, Moscow, 448 p.
2. Vvedenskaya, L. A., Pavlova, L. G., Kashaeva, E. Yu. (2014), *Russian language and speech culture* : textbook [*Russkiy yazyk i kul'tura rechi* : ucheb. posobiye], Phoenix, Rostov-on-Don, 539 p.
3. Vertlib, E. A. (2014), *Vasily Shukshin and the Russian Spiritual Renaissance* [*Vasilii Shukshin i russkoye dukhovnoye vozrozhdeniye*], New York, 538 p.
4. Vinogradov, V. V. (1959), *About the language of fiction* [*O yazyke khudozhestvennoy literatury*], State Literature Publishing house, Moscow, 656 p.
5. Gabuev, T. K. (2013), *Vasily Shukshin : traits for a portrait* [*Vasiliiy Shukshin : Shtrikhi k portretu*], Prosveshchenie, Moscow, 127 p.
6. Elistratov, V. S. (2001), *Dictionary of Vasily Shukshin' language* [*Slovar' yazyka Vasiliya Shukshina*], Azbukovnik; Russian dictionaries, Moscow, 432 p.
7. Krysin, L. P. (2000), *On some changes in the Russian language at the end of the 20th century* [*O nekotorykh izmeneniyakh v russkom yazyke kontsa 20 veka*], available at : <http://philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm/>
8. *Literary encyclopedic dictionary* (1987) [*Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'*], V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva (eds.), Soviet Encyclopedia Publishing house, Moscow, 752 p.
9. Matveeva, T. V. (2010), *Complete dictionary of linguistic terms* [*Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov*], Phoenix, Rostov-on-Don, 562 p.
10. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2006), *Explanatory dictionary of the Russian language* [*Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*], Moscow: LLC "ITI Technologies", 944 p.
11. Ossovetskiy, I. A. (1971), "Dialectal vocabulary in the works of Soviet fiction 50–60th", *Issues of the language of Soviet fiction* ["Dialektnaya leksika v proizvedeniyakh sovetskoy khudozhestvennoy literatury 50–60 g."], *Voprosy yazyka sovetskoy khudozhestvennoy literatury*], Nauka, Moscow, pp. 303–386.

12. Parshina, V. V. (1984), *The ratio of book and colloquial lexical elements in the structure of a literary text (based on Nikolay Leskov's works of the 90s of the 19th century)* : Thesis [Sootnosheniye knizhnykh i razgovornykh leksicheskikh elementov v strukture khudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedeniy N. S. Leskova 90-kh godov XIX v.)] : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01], Moscow, 266 p. Available at : <https://www.dissertat.com/content/sootnoshenie-knizhnykh-i-razgovornykh-leksicheskikh-elementov-v-strukture-khudozhestvennogo/> (Date of access: 20 Decembre 2021).
13. Skorodumova, Ya. A. (2014), “Functions of dialectal vocabulary in the autobiographical prose of V. P. Astafiev”, *Young scientist* [“Funktsii dialektnoy leksiki v avtobiograficheskoy proze V. P. Astaf'yeva”, *Molodoy uchonyy*], Kazan, No. 16, pp. 823–824.
14. *Dictionary of Russian dialects of the Baikal region* : in 4 volumes (1986–1989) [*Slovar' russkikh govorov Pribaykal'ya* : v 4 t.], Publishing house of Irkutsk University, Irkutsk.
15. Stepanov, Ie. N. (2006), “Literary language, dialect, urban koine and norm : correlation problems”, *Russian studies and modernity, Linguistics*, 4 [“Literaturnyy yazyk, dialekt, gorodskoye koine i norma : problemy sootnosheniya”, *Rusistika i sovremennost', Yazykoznanie*, 4], Wyd-wo. Uniw. Rzeszowskiego, Rzeszów, pp. 154–162.
16. Stepanov, Ie. N. (2006), “Vernacular words g(h)abelok / g(h)abelka”, *Notes on General Linguistics* : Coll. of sci. works [“Prostorechnye slova g(h)abelok / g(h)abelka”, *Zapysky z zahal'noy lnhvistyky* : zb. nauk. prats'], N. V. Bardina (ed.), ORIDU NADU Press, Odessa, vol. 7, pp. 302–307.
17. Stepanov, Ie. N. (2008), “Phraseology of the city as a linguocultural space”, *Scientific Bulletin of the Izmail State University of Humanities. Philological sciences* [“Frazeologiya goroda kak lingvokul'turnoe prostranstvo”, *Naukovyy visnyk Izmayil's'koho derzhavnogo humanitarnoho universytetu*], Izmail State University of Humanities Press, Izmail, vol. 25, pp. 130–135.
18. Stepanov, Ie. N. (2015), “Lingual space in the writer's idiostyle and in the speech of his characters (based on the works of Valery Smirnov)”, *Scientific notes [Volodymyr Vynnychenko Kirovograd State Pedagogical University], Series Philological Sciences (Linguistics)* [“Yazykovoie prostranstvo v idiostile pisatelya i v rechi yego personazhey (po proizvedeniyam Valeriya Smirnova)”, *Naukovi zapysky [Kirovohradskiy derzhavnyi pedahohichnyy universytet imeni V. Vynnychenka], Filolohichni nauky (movoznnavstvo)*], Kirovograd, Issue 138, pp. 281–285.
19. Stepanov, Ie. N. (2015), “Regionalisms in the speech of characters as a means of expression in the creative style of A. I. Kuprin”, *Odessa linguistic school : Integration of approaches : collective monograph* [“Regionalizmy v rechi personazhey kak sredstvo vyrazitel'nosti v tvorcheskoy manere A. I. Kuprina”, *Odeska lnhvistychna shkola : intehtratsiia pidkhdov : kolektyvna monohrafiya*], PolyPrint, Odessa, pp. 169–176.
20. Stepanov, Ie. N. (2019), “Current state of south Russian dialects of Odessa region”, *The idiolect of the Russian language personality as a reflection of the linguocultural situation in the Slavic borderlands : collection of reports of the International Sci. forum participants* [“Sovremennoye sostoyaniye yuzhnorusskikh pereselencheskikh govorov Odesskoy oblasti”, *Idiolekt russkoy yazykovoy lichnosti kak otrazheniye lingvokul'turnoy situatsii v slavyanskom pogranich'ye : sb. dokladov uchastnikov Mezhdunarodnogo nauch. foruma*], Avers, Bryansk, pp. 42–49.
21. *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language* (2011) [*Stilisticheskyy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka*], Flinta, Nauka, Moscow, 696 p. Available at : <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/10.pdf/> (Date of access: 20.12.2020).
22. Shukshin, V. M. (1992), *Collected works* : in 6 volumes [*Sobranie sochineniy* : v 6 t.], Molodaya gvardiya, Moscow, vol. 2, 608 p.
23. Shukshin, V. M. (1985), *Stories [Rasskazy]*, Karelia Publishing house, Petrozavodsk, 256 p.

СИЗДИКБАЕВ Нургалі Артикбаевич,

кандидат філологічних наук, доцент, доцент Казахського університету міжнародних відносин і світових мов імені Абилай-хана; вул. Муратбаєва, 200, м. Алмати, 050022, Казахстан; тел.: +7076242138; e-mail: sizenur@mail.ru / ORCID ID: 0000-0002-8162-4792

ПОЗАЛІТЕРАТУРНА ЛЕКСИКА ЯК ЗАСІБ РОЗКРИТТЯ ХАРАКТЕРУ ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРІАЛІ МАЛОЇ ПРОЗИ В. М. ШУКШИНА)

Анотація. *Мета* статті — показати роль діалектизмів і просторіччя в малій прозі В. М. Шукшина. За допомогою цього шару лексики автор зображує не тільки простоту і наївність жителів провінційних міст і сіл, а й належність персонажів до тієї чи іншої місцевості. **Об'єкт** дослідження — позалітературна лексика у творах малої прози В. М. Шукшина. **Предмет** вивчення — роль позалітературної лексики серед художніх засобів в ідіостилі В. М. Шукшина. У роботі використано **методи** аксіологічного, семантичного аналізу й описовий метод. У **результаті** проведеного дослідження зроблено такі **висновки**: у творах В. М. Шукшина позалітературна лексика застосовується для більш повної і достовірної мовної характеристики персонажів різних соціальних шарів і груп суспільства, виявляються регіональні особливості їхнього мовлення. Крім того, письменник використовує таку лексику з метою досягнення комічного ефекту своєї промови. Вводячи у структуру тексту літературної лексики, автор не тільки занурює читача в суть справи, а й робить його учасником описуваних подій, відверто зображує побут, спосіб життя, будні й свята пересічних селян.

Ключові слова: лексика, літературна мова, загальнонародна мова, позалітературна лексика, говірка, діалектизми, просторіччя, образ, персонаж, характер.

Nurgali A. SYZDYKBAEV,

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages; 200 Muratbaeva st., Almaty, 050022, Kazakhstan; tel.: +7076242138; e-mail: siznur@mail.ru/ ORCID ID: 0000-0002-8162-4792

NON-STANDARD VOCABULARY AS A MEANS OF REVEALING THE CHARACTER (BASED ON THE MATERIAL OF V. SHUKSHIN'S SHORT FICTIONAL PROSE)

Summary. The *purpose* of this article is to show the role of dialectisms and vernacular vocabulary in V. M. Shukshin's short stories. The use of this layer of vocabulary helps the author to portray not only the simplicity and naivety of the inhabitants of provincial towns and villages, but also the belonging of the characters to a particular locality. The *object* of the research is non-standard vocabulary in short stories by V. M. Shukshin. The *subject* of study is the role of non-standard vocabulary among artistic means in the idiostyle of V. M. Shukshin. The *methods* of axiological and semantic analysis, and the descriptive method were used in the study. As a *result* of the research, the following *conclusions* were made: in short stories of V. M. Shukshin, non-standard vocabulary is used for a more complete and reliable speech performance of characters from different social strata and groups of society, their regional features of speech are revealed. In addition, the writer uses such vocabulary to achieve the comic effect of his speech. The author not only immerses the reader in the essence of the matter, but also makes him a participant in the events described, frankly depicts the domestic life, lifestyle, earthy problems and holidays of ordinary villagers introducing non-standard vocabulary into the structure of the texts.

Key words: vocabulary, literary language, common language, non-literary vocabulary, dialect, dialectisms, vernacular, image, character.

Статтю отримано 16.04.2021 р.

DOI: 10.18524/2307-4558.2021.35.237857

УДК [811.161.2+811.512.161+811.111]'25'373.74-115

ЧАГНKOBA Оксана Костянтинівна,

старший викладач кафедри українознавства Одеської державної академії будівництва та архітектури; вул. Дідріхсона, 4, м. Одеса, 65029, Україна; тел.: +38 063 9872565; e-mail: oksbird85@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-7639-0979

СОМАТИЧНІ ФРАЗЕОЛОГІЗМИ З КОМПОНЕНТОМ «РУКА» (НА МАТЕРІАЛІ УКРАЇНСЬКОЇ, ТУРЕЦЬКОЇ ТА АНГЛІЙСЬКОЇ МОВ)

Анотація. У статті розглядаються фразеологічні одиниці із соматичним компонентом «рука» в українській, турецькій і англійській мовах. Людина пізнає навколишнє середовище за допомогою органів тілесності. Соматичний компонент «рука» як частина людського тіла, виконує найважливіші функції людського організму у християн та мусульман.

Мета дослідження — продемонструвати дані зіставного аналізу фразеологізмів із соматизмом «рука» у вказаних мовах. **Об'єктом** вивчення виступають українські, турецькі та англійські фразеологічні одиниці на позначення емоційних рис людини. **Матеріал** вивчення вибрано із фразеологічних і тлумачних словників української, турецької та англійської мов. **Предметом** вивчення є особливості культурологічного аспекту функціонування таких фразеологічних одиниць у вказаних мовах та їх структурно-семантичні особливості. **Результатом** проведення зіставного аналізу турецьких, англійських та українських відповідників кількох груп фразеологічних одиниць стала їх класифікація за семантичними групами. Дослідження соматичних фразеологізмів з компонентом «рука» в вказаних мовах дає змогу виокремити чотири семантичні групи, що характеризують позитивні й негативні риси людини: 1) здійснення якоїсь дії чи роботи; 2) допомога та повага, взаємні стосунки; 3) користь і невдячність, нечесний спосіб життя; 4) жадібність, необережність, відсутність здорового глузду. Особливості світосприйняття різних народів впливають на кількість фразеологізмів у семантичних групах та на структуру соматизмів у мовній картині світу. Соматичні фразеологізми з компонентом «рука» в українській, турецькій та англійській мовах віддзеркалюють традиції, культуру та історичний розвиток вказаних мов. Вони рідко характеризуються повним збігом з огляду на різні граматичні та синтаксичні структури, але часто збігаються з осмисленням довкілля, поглядами на стосунки між людьми, розумінням законів всесвіту.

Ключові слова: фразеологічні одиниці, соматизм, компонент «рука», семантична група, українська мова, англійська мова, турецька мова, зіставлення.

Постановка проблеми. Соматизми у вільному вживанні є номінаціями елементів будови тіла людини і тварин. Вони беруть найактивнішу участь у творенні фразеологізмів і формуванні їх значення. Порівняльні дослідження мовних явищ у фразеології привертають увагу сучасних вчених у зв'язку з потребою виявлення сфер зіткнення різних мов, а це дозволяє виділити загальні риси по-